

Костючук Лариса Яковлевна,
доктор филологических наук,
профессор кафедры русского языка
Псковского государственного
университета

К СУДЬБЕ СЛОВА В СОВРЕМЕННОМ (НОВЕЙШЕМ) ЦЕРКОВНОСЛАВЯНСКОМ ЯЗЫКЕ XX–XXI ВЕКОВ

Напомним некоторые понятия, необходимые для понимания судьбы взаимоотношений древнего южнославянского старославянского языка, своеобразно продолжающегося в церковнославянском русском извода разных временных срезов, и современного русского восточнославянского языка.

Есть внутренние условия жизни любого языка: его система, структура, его индивидуальность и особые отношения (генетические) со своими «родственниками». Это «внутренняя лингвистика». Но есть влияние на язык внеязыковых условий со стороны экономики, политики, культуры. Происходит обмен «сведениями» и с более дальними по генетическим связям, неблизкими языками в силу взаимодействия культур, техники: ведь устанавливаются отношения с разными народами. Это «внешняя лингвистика». Теория «внешней» и «внутренней» лингвистик впервые отчётливо была обоснована Ф. де Соссюром в начале XX века [Соссюр, 1977, с. 59-61]. Но при всех внешних влияниях язык обычно устаивает в своей целостности, сохраняется, даже при наплыве в известные периоды иностранной лексики. Достаточно вспомнить ситуацию с современным русским языком в конце XX века. Язык жив до тех пор, пока живы носители (хоть один человек) этого языка.

В настоящее время актуален разговор о церковнославянском языке, о взаимоотношении русского языка (одного из восточнославянских) и церковнославянского, наследника старославянского языка, южного по происхождению, пришедшего на Русь вместе с принятием христианства при крещении Древней Руси в 988 году. И старославянский язык, созданный Константином-Кириллом и Мефодием в середине IX века и поддерживаемый их учениками и учениками учеников по треть XI века, и после этого времени церковнославянский язык разных славянских изводов (при вносимых в дальнейшем переписчиками разных языковых особенностей из своих языков) — это в известной мере искусственные книжные языки богослужебного назначения, но созданные на естественной основе древнего южнославянского македонского наречия, бытовавшего в северной Греции, но близкого к древнеболгарскому. На этих языках никогда не говорили в быту — на эти книжные языки богослужебного назначения переводили религиозные книги, вели (и ведут) церковные службы, читают богословские книги, сочиняют необходимые церковные тексты.

И в то же время церковнославянский книжный язык оказал огромное влияние на развитие и складывание русского литературного языка: ведь с письменностью распространялась культура, передавались многие традиции. С Христианством древние русичи получили письменное наследие болгарского варианта — кириллицу, которую, как считают многие учёные, особенно в XX веке, создали ближайшие ученики Константина-Кирилла и Мефодия. Это случилось, когда после кончины Первоучителей оставшиеся в живых ученики, изгнанные из Центральной Европы, бежали в Болгарию, в которой, видимо, были какие-то письмена (преимущественно греческого образца, поскольку Греция близка к Болгарии). И вот эти ученики, конечно, с учётом принципов более сложной глаголицы, которую учёные считают созданием именно Константина-Кирилла и Мефодия, вынуждены были создать для дальнейшего просвещения славян азбуку, основанную на начертаниях чёткого уставного греческого письма. А традиция закрепила название «*кириллица*», вероятно, в память о великом Кирилле.

Так славяне были приобщены к древней языковой и духовной античной культуре, прежде всего греческой.

Известны разные теории происхождения русского литературного языка. (Это предмет особых исследований и обсуждений.) Но бесспорной остаётся роль южнославянского по происхождению церковнославянского языка на развитый восточнославянский русский язык и в литературно-лингвистической сфере, и даже в повседневной. Поэтому выяснение взаимоотношений двух языковых стихий — церковнославянской и русской — в становлении русского литературного языка актуально на всем протяжении его развития. Об этом очень убедительно писал Н. И. Толстой: «Без церковнославянского, бытовавшего на Руси, трудно себе представить развитие русского литературного языка во все эпохи его истории. Церковнославянский язык, подобно латыни в западных романских странах, был всегда опорой, гарантией чистоты и источником обогащения русского нормированного языка» [Толстой, 2013, с. 3].

Объясняется активность и актуальность таких отношений тем, что прежде всего в лексике любого периода русского литературного языка действуют следующие процессы: 1) изменение словарного состава, который связан с появлением новых слов; 2) изменение судьбы существовавших и существующих в языке слов: меняется их значение, стилистическая окраска, степень востребованности. Это касается не только отдельных слов, но и целых серий слов, словосочетаний, просто устойчивых и фразеологизированных выражений в соответствующих объединениях [Ларин, 1975; Улуханов, 2003; Успенский, 1994; 2002]. Не случайно Ф. де Соссюр теорию о естественных знаках, в отличие от искусственных знаков, построил и обосновал прежде всего на материале лексического уровня, который очень важен для каждого языка [Соссюр, 1977, с. 98-132].

Переломным периодом активного динамического состояния в лексике русского литературного языка явился XVIII век: многие церковнославянские слова (старославянской генетической основы) перемещались в пассивный запас, обслуживая только богослужебные тексты. Остановимся на некоторых примерах.

Слово ***риза*** в новейшем церковнославянском языке означает прежде всего ‘одежда церковнослужителя’ [Дьяченко, 1993,

с. 548]. С таким значением оно известно и в современном русском литературном языке, в то время как в прошлом, судя и по старославянским памятникам, оно значило обычно ‘одежда, преимущественно верхняя’ [СССл, с. 381-382]. Переживая семантические изменения на протяжении веков, уже в XIX веке слово трактуется с пометой «*церк.[овное]*» в трёх значениях: 1. ‘одежда’ со ссылкой только на евангельский текст (одно из первоначальных славянских значений, вошедших в переводы Первоучителями религиозных текстов. – Л. К.); 2. ‘священническое верхнее облачение, употребляемое во время богослужения’ с подчёркиванием семы ‘верхний’; 3. ‘оклад на иконах’ (второе и третье значения с течением времени специализировались в церковнославянском языке русского извода. – Л. К.) [Словарь 1847, т. IV, с. 64].

Слово *храмъ*, как и слово *храмина*, в старославянском языке означало ‘дом, строение’ (ср. словосочетание *господиень храма*, как и *господиень храмины*, в значении ‘хозяин дома’) [СССл, с. 764–765]. Вспомним притчу о ‘мудром’ и ‘буйном’ (‘неразумном’) мужах, строивших свои жилища, дома (*храмины*, *храмы*) по-разному: первый — «*на камене*» (услышал Иисуса и внял ему), другой — «*на песце*», то есть «*на песке*» (не внял Господу, действовал по-своему). На рассказе о том, что из этого получилось после исполнения обычных в повседневной жизни действий (строительство «*храма*», «*храмины*», то есть ‘дома’), притча хорошо поучает и наставляет: необходимо разумно следовать наставлениям свыше. Конечно, в прошлом было и специальное значение у слова *храмъ* как ‘святилище, церковь’ [СССл, с. 765], и с этим значением использовалась лексема и в церковнославянском языке. Сейчас со специализированным значением из сферы церковной жизни в новейшем церковнославянском и в современном русском языке лексема *храм* воспринимается как церковнославянизм. Ведь всем известна фраза: «*Храмъ мой храмъ молитве / молитвы наречетъ ся*» [СССл, с. 767]. Значит, название *храм* в указанном специальном значении стало типичным для церковнославянского языка, включая и новейший церковнославянский; слово имеет яркую южнославянскую (старославянскую) фонетическую неполногласную черту (сочетание *-ра-*), в отличие от полногласного восточнославянского (в част-

ности, русского) сочетания *-оро-*. Г. Дьяченко подробно, энциклопедически, описывает церковное строение и его назначение в жизни церкви, в богослужении [Дьяченко, 1993, с. 794]. Словарь 1847 г. уже не указывал для русского языка бытового значения для слова, подчёркивал только сакральное назначение лексемы. Наблюдение этого отражается в двух значениях и одном своеобразном употреблении: 1. ‘здание, посвящённое общественному богослужению’; 2. ‘жилище, освящённое присутствием Божества, дом Божий’ (это может быть и дело человека, верующего в Бога). Обнаруживается особый оттенок значения при использовании в случае: ‘здание общественного богослужения, посвящённое памяти какого-либо святого’ в контекстах типа «*Храм* во имя...» [Словарь 1847, т. 6, с. 411].

Интерес к осознанию слов как «своих» (исконного происхождения из восточнославянского единства) и как «чужих» (то есть заимствованных, хотя и из близкородственного южнославянского единства, через книжный богослужебный старославянский, а затем и церковнославянский язык в связи с принятием христианства в X веке) проявлялся давно, не только в XX веке. Приведём некоторые важные доказательства давнишних стремлений осознать специфику русского языка, без которых невозможно проводить и современные исследования. И этому служит научный подвиг Б. А. Ларина, еще в предвоенное время начавшего вводить в научный оборот записи русской речи иностранцами [Ларин, 2002]. Один из источников – «Русская грамматика», изданная в Оксфорде в 1696 году [Лудольф, 2002, с. 509-682], об авторе которой, Г. В. Лудольфе, Б. А. Ларин в 1936 году, «через 240 лет после ее выхода в свет», пишет так: «Выходец из передового саксонского бюргерства, широко образованный человек, Лудольф – в отличие от многих других побывавших в России иностранцев – отнесся к наблюдаемым им фактам и к слышанным рассказам с исключительной трезвостью, с живым и доброжелательным интересом, с достаточным доверием и с достаточной осторожностью». Исследователь подчёркивает исключительную научную ценность данного источника: «Книга в основном посвящена языку, но она дает немало и для историка культуры, нравов, хозяйства России конца XVII в.» [Ларин, 2002, с. 511].

И вот заинтересованный в познании специфики языка России Г. В. Лудольф в теоретической части работы, в результате изучения памятников письменности, научной, богослужебной, бытовой речи русских, делает очень важные выводы о значимости церковнославянского языка для книжного (литературного для XVII века) языка и о соотношении двух стихий в русском языке, о чём и сейчас не раз приходится говорить, соотнося свои наблюдения с мнениями многих серьёзных учёных и XX-XXI веков.

Приведём только один отрывок из труда Г. В. Лудольфа конца XVII века (в замечательном переводе Б. А. Ларина): «Для русских же знание Славянского языка необходимо потому, что не только Св. Библия и остальные книги, по которым совершается богослужение, существуют только на славянском языке, но невозможно ни писать, ни рассуждать по каким-нибудь вопросам науки и образования, не пользуясь славянским языком. <...> Но точно так же, как никто из русских не может писать или рассуждать по научным вопросам, не пользуясь славянским языком, так и наоборот – в домашних и интимных беседах нельзя никому обойтись средствами одного славянского языка, потому что названия большинства обычных вещей, употребляемых в повседневной жизни, не встречаются в тех книгах, по которым научаются славянскому языку». И далее замечательное заключение: «Так у них (у русских. – Л. К.) говорится, что говорить надо по-русски, а писать по-славянски. И большинство русских, чтобы не казаться неучами, пишут слова не так, как произносят, а так, как они должны писаться по правилам Славянской Грамматики, напр., пишут **сегодня (segodnia)**, а произносят **севодни (sevodni)**». К неожиданному решению пришёл Г. В. Лудольф в результате обнаруженной оригинальной языковой и речевой ситуации в загадочной для многих иностранцев России: «Между тем я решил в этой моей грамматике и в диалогах передавать слова такими буквами, которые обозначают именно те звуки, какие слышатся в произношении, чтобы книга послужила на пользу тем, кто хочет научиться разговорному русскому языку» [Лудольф, 2002, с. 602-603].

Русским исследователям в прошлом, особенно в XIX веке расцвета сравнительно-исторического языкознания с интересом

Российской академии наук к лексикографии, лингвогеографии на фоне и мировой лингвистики, объективно удалось в замечательных словарях типа «Словаря церковнославянского и русского языка» [Словарь 1847], «Толкового словаря живого великорусского языка» В. И. Даля, который зафиксировал и русский литературный язык XIX века, а не только русские народные говоры [Словарь Даля], отразить статику и динамику семантики многих книжных слов, являющихся по происхождению славянизмами. Обращение к ним, как и к достижениям русской современной и исторической лексикографии XX века, позволяет и специалистам, и просто любителям родного слова изучать взаимоотношения «своего» и «чужого» в лексической системе родного языка при учёте славянского (в том числе и общеславянского) пласта.

С учётом всего сказанного можно проследить, как вырабатывались и закреплялись специальные значения, связанные с определённой сферой культуры, религии (при использовании церковнославянского языка), как слова становились необходимыми, привычными, входили и в восточнославянский (русский) лексический строй при необходимости отражения соответствующих сторон деятельности людей.

Однако то лексическое богатство, унаследованное от старославянского языка и сохранившееся в системе современного русского литературного языка, до сих пор как следует не исследовано, особенно конкретно, практически, с прослеживанием истории индивидуальных слов. Еще в 1978 году на Международном съезде славистов Ф. П. Филин говорил об этом, пытался в своих исследованиях подсчитывать количественное соотношение церковнославянизмов, славянизмов относительно восточнославянских слов в литературном языке, чтобы теоретически обосновать основу литературного языка. В середине XX века шла дискуссия о диглоссии, о двуязычии [Успенский, 1994; 2002]. Важно было выяснить, что явилось, например, лексической основой современного русского литературного языка: старославянская / церковнославянская лексика или исконная древнерусская (восточнославянская).

Для понимания роли так называемых славянизмов в русском языке до сих пор важной является статья Г. О. Винокура 1947

года «О славянизмах в современном русском языке» [Винокур, 1959, с. 443-459], в которой автор представил систему соотношения славянских слов, включая и лексемы одинакового фонетического состава в русском и церковнославянском языках, также соотношения слов по их лексическим значениям; по особенностям употребления церковнославянизмов / старославянизмов и русских параллелей; по типичным особенностям фонетического облика с учётом исторических судеб разных ветвей славянских языков и т. д. Показательны случаи, когда славянизмы абсолютно вытесняют русские (восточнославянские) параллели и в русском языке остаются только славянизмы со своим бесспорным признаком: *время, благо 'хорошо, добро'*. Даже в современных говорах не встречается слово **вермя*, а с полногласием остался только топоним (географическое название) *Бологое*. Таким образом, «чужие» слова стали «своими» в системе русской лексики.

Толчком к усилению дискуссии о происхождении литературного языка послужило открытие в 1951 году первой берестяной грамоты в Новгороде при археологических раскопках. И в то же время открытие древнерусского письма на бересте явилось новым, очень важным источником сведений для истории русского языка [Зализняк, 2003, с. 218–223].

Но ведь контакты церковнославянского и русского языков не прекращались и не прекращаются. На наших глазах в конце XX века в связи с кардинальными изменениями в нашей стране заметна роль церковнославянизмов из религиозной сферы в активном использовании и в обычной речи (устной, письменной), и в специальной речи церковнослужителей и многих мирян, получивших право посещать *«церковь»*, быть на *«литургии»*, получать *«причастие»*, присутствовать на *«крестинах»* и *«отпевании усопшего»* и т. д. Естественно, что указанные понятия называются соответствующими словами из церковнославянского языка, заставляя следовать особому функциональному стилю («религиозному»), который до недавнего времени не выделялся в системе функциональных стилей русского языка.

Интересным толковым словарём русского языка конца XX века явился словарь под редакцией Г. Н. Складневской, посвящённый языковым изменениям этого периода [ТСлИзмене-

ний, 1998]. В словаре отмечаются возврат слов в активный запас, например из религиозной жизни: **вербный** в устойчивых выражениях, **верование** ‘религия’ [с. 129], **великомученик, великопостный** [с. 127]; актуализация значений отдельных слов в связи с изменением обстановки в стране; уход определенных слов в пассивный запас (вспомним учение Ф. де Соссюра о роли «внешней лингвистики»). Отмечается в употреблении большой пласт церковнославянских слов, терминов.

Для выяснения судьбы церковнославянизмов, старославянизмов в русском языке большую роль уже сыграл создающийся с 80-х годов XX века «Словарь русского языка XVIII века» [СлРЯ XVIII] с детальной проработкой значений церковнославянизмов, их роли в соответствующих сферах использования. Важно, что выясняется значимость церковнославянского языка в переплетающихся судьбах языков разных славянских ветвей.

Специальное изучение истории русского литературного языка филологами-русистами, теологами, которые желают проникнуть в лингвистические особенности Слова, чтобы понять, почему так значимо Слово в общении людей, — всё это требует знакомства со специальными работами учёных и со словарями, чтобы можно было самому задуматься о жизни слов и почувствовать их значимость в воздействии на собеседника.

Постараемся подчеркнуть некоторые значимые сведения о церковнославянских словах при выяснении их роли в судьбе русского литературного языка.

Многие церковнославянские слова имеют типичные фонетические черты южнославянского происхождения.

Термин «славянизм» предполагает генетическое происхождение слова из южнославянского старославянского языка, созданного Кириллом и Мефодием: **глагол, извлечь, время, благо** (признаки фонетические); **исход из трудного положения, извести** (приставка **из-** в соответствии с русской приставкой **вы-**).

Видимо, частота употребления слова за пределами церковно-книжных памятников сказывалась на вхождении славянизмов в русский, даже повседневный, язык, например: **время, праздник, сладкий, требовать** (отсюда и **употребление** при обнаружении связи со словом **треба**).

В подобных ситуациях только специальное знание различных разных групп славянских языков (южных и восточных) на разных языковых уровнях позволит отличить славянизмы от русских слов. Ведь многие слова не воспринимаются как «чужие», поскольку они необходимы, обычны, привычны.

Назовём некоторые слова и устойчивые выражения, которые являются церковнославянскими, так как они из области богослужения, верования в Бога, связаны с христианской моралью, истиной: *истина, грех* (хотя слово *грех* индоевропейского происхождения, общего и для греческого, и для всех славянских языков: в нём нет явления «неполногласия»), *псалмопение, манна небесная*. Семантика подсказывает, что это церковнославянизмы.

В русском языке большое количество библейских образов и выражений, фразеологизмов, которые составляют общекультурное достояние, доставшееся народам в связи с принятием христианства: *вавилонское столпотворение, в поте лица, во время оно, запретный плод, злоба дня, как зеницу ока, строить на песке, хлеб насущный, не мечите бисера* и многие другие. (Вспомним передачу на радио «Вечные глаголы» об истории и правильности употребления таких выражений.)

Благодаря динамике в значении происходит изменение смысла слов. Церковнославянское слово может расширять своё функционирование, приобретая новые значения или оттенки значений. Тогда оно становится нейтральным по отношению к религиозному функциональному стилю. Приведём некоторые примеры.

Слово *гостиница* приобрело значение ‘дом, пристанище для путешествующих, постоялый двор’. Это расширенное значение зафиксировано в Словаре 1847 года, начиная с XVIII века. А ранее у слова было значение, связанное с таким значением слова *гость*: ‘иногородный или иностранный купец’ (значение у слова *гостиница* с профессиональной семьей ‘купец’) [Словарь 1847, кн. 2, т. 1, с. 289].

Слово *отчество* первоначально в славянском языке имело значение, предполагающее связь с родственниками. В XVIII веке было известно новое слово, образованное от указанного, – *единоотечественный*: устанавливался признак связи по линии

отца. Исходное значение ‘иноплеменник’, вышедшее из употребления уже в XVIII веке, не вошло в XIX век. Но в XIX веке фиксируется новое слово – *единоотечный* – в значении ‘родившийся от одного, общего с кем-либо отца’ [Словарь 1847, кн. 2, т. 2, с. 201]. Зато слово *отечество* (древнее славянское слово) расширяет значение от конкретного до обобщающего – ‘страна, государство’. При этом становится нейтральным по отношению к религиозному функциональному стилю, «забывая» своё старославянское происхождение. Словари, тексты, сопоставление функционирования слова позволяют прийти к указанным выводам.

Слово *делатель* в XVIII веке имело несколько значений:

1. *слав.*[янское] ‘творец, создатель’. Пример: «*Всяк, кто великую делу вину подал, хотя дела того не делал, может именем делателя наречен быти*». Это исходное значение идёт от старославянского языка. Слово *вина* в приведённом примере означает ‘повод, предлог, случай’ и в XIX веке [Словарь 1847, кн. 1, т. 1, с. 126];

2. уже славянское нейтральное значение, не связанное со Святым писанием: ‘изготовитель, производитель’;

3. это значение стало *ритор.*[ическим] в XVIII веке, изменившим стилистическую функцию до высокой: ‘земледелец’, хотя было нейтральным в старославянском со значением ‘работник на земле, в хозяйстве, связанном с землей’. (Вспомним притчу о делателе.)

Как показывает словарь 1847 года, слово *делатель* в XIX веке вошло в язык с расширительным значением [Словарь 1847, кн. 1, т. 1, с. 385]: ‘делающий что-л., трудящийся’ (не только земледелец). Пример: «*Достоин делатель мзды своя*». (Уже есть синоним к этому слову: *делальщик*. Пример: «*Делальщику полтина, а нарядчику рубль*».)

Ученые признают метафору в значении важным условием динамического изменения смысла.

Так, слово *уго* в старославянском языке имело исходное значение ‘ярмо’, которое в XVIII веке развивает переносное значение ‘бремя, тяжесть’. В XIX веке сохраняется значение ‘тяжесть, рабство’ при бытовании и исходного славянского [Словарь 1847, кн. 2, т. 2, с. 99]. В словаре современного русско-

го языка отражается следующее: на основании предыдущих семантических процессов развивается и закрепляется как главное, актуальное для языка значение ‘владычество, господство, связанное с угнетением, порабощением’, а при нём проявляется оттенок значения ‘власть, гнёт’ [БАС, т. 7, с. 19].

Славянизмы (старославянизмы) – слова, появившиеся на Руси с переводами священных книг при принятии Христианства. Они имеют соответствующие фонетические, морфологические, семантические показатели.

Церковнославянизмы – слова и выражения из церковных книг или создающиеся по их образцам: например, слово *десятисловие* в значении ‘10 заповедей’.

Книжно-славянские слова – это те, которые используются в высоком стиле: *Град Петров. На бреге том. Златая цепь на дубе том. И жало мудрыя змеи.*

Для церковнославянизмов важно учитывать «трафарет ситуации», по выражению Д. С. Лихачева, в которой проявляется соответствующая сочетаемость, приводящая к изменению значения (описывается ситуация обычно одинаково) [Улуханов, 2003]. Некоторые примеры.

Слово *предати* используется во многих контекстах, описывающих ситуацию предательства, которая передаётся такими словосочетаниями: *предать врагу, мучителю, противнику, иноплеменнику; казни; на убийство* и под. – в значении ‘изменнически выдать’. Часто речь идёт об Иуде: «Иуда *предавы его*» (здесь можно усмотреть элемент значения и ‘передать’, но побеждает ‘предать’). В результате частоты описываемой ситуации закрепляется указанное значение с семой ‘предательство’, что проистекает из первичного значения, касающегося бытового действия ‘передать’: ср. «*предати брашно*», то есть ‘еду’.

В церковных текстах слово *прах* сообщает не столько о пыли, пепле, сколько о человеке (мертвом или живом), чтобы подчеркнуть его ничтожество, бренность. Постепенно побеждает это новое значение, а старое остается во фразеологизмах *повергнуть в прах, отрясти прах с ног*.

Можно предложить читателям задуматься о судьбе таких слов, как *погрязнуть, краткий*, для чего необходимо использо-

вать соответствующие словари и найти соответствующие примеры в контекстах (в этом тоже могут помочь словари).

Памятники псковской письменности показывают роль и восточнославянского древнерусского языка в создании житийных текстов (например, «Житие Александра Невского» в Псковской второй летописи, «Сказание о Довмонте» (в той же летописи) [Пск. лет., 2000, т. V, вып. 2], «Память-житие Саввы Крыпецкого» в одном из псковских вариантов [Серебрянский, 2013]. В них наблюдается и хороший церковнославянский язык, и отражение псковской народной речи, что идёт от писца.

Итак, в прошлом было два языка — церковнославянский и древнерусский. Древнерусский использовался в повествовательных, исторических жанрах. При этом происходил стихийный отбор церковнославянизмов (как этого требовал сам язык). Нельзя исключать роль деловых памятников, в которые местные писцы вносили много разговорных лексем, форм, отражая невольно разные уровни своей речи (вспомним замечательные так называемые «новые псковские грамоты XIV-XV веков» [Марашинова, 1966]).

Важно, что ряд исследователей отражал и исследовал проникновение русизмов в церковнославянский язык, что, как указывал И. С. Улуханов, совсем мало изучено [Улуханов, 2003]. Для примера он привёл показательный случай (буквы «ять» и «юс малый» по техническим причинам заменяем современными кириллическими буквами): «*Любовь имейте съ всякъмь члвкъмь. А боле с братиєю. **Не буди ино на срци.** А ино на устехъ. **И под братомъ ямы не рыи***» (Слово Луки Жидяты, конец XIV в.).

При работе над «Псковским областным словарём с историческими данными» [ПОС] нам приходится вести исследования и церковнославянских текстов русского извода, где обнаруживается много регионализмов, а также и учитывать церковнославянизмы в древнерусских текстах (см., например, [Костючук, 2011, с. 32-41]).

Знаменательно, что история русского литературного языка, как и история русского языка вообще, интересует филологов и за рубежом России: в 2014 году специалист Ж. К. Кыинова из Казахстана в Москве защитила докторскую диссертацию о славянизмах в русском языке, причём акцент был сделан и на исто-

рико-культурное своеобразие этого замечательного лингвистического феномена, и на семантико-стилистические особенности присутствия их в современном русском языке [Киынова, 2014]. Мне пришлось писать отзыв об этой работе, поэтому подчеркну, что такие исследования служат детальному рассмотрению семантики славянизмов на протяжении веков и выяснению их места в лексической системе современного русского (восточнославянского) языка.

Сделаем некоторые выводы.

Церковнославянский язык (исходно южнославянский) русского извода – это, во-первых, прежде всего письменный язык, предназначенный для богословских целей, обнаруживаем его в библейских текстах, житиях, поучениях, церковно-юридических произведениях; во-вторых, это и устный язык, только богослужебный.

Древнерусский язык (восточнославянский) существовал в двух формах: 1) письменная форма встречается прежде всего в повествовательных произведениях, а также в деловых; 2) устная форма – это устно-разговорная разновидность языка.

В связи со сказанным необходимо вспомнить наблюдения иностранца – Г. В. Лудольфа – ещё в конце XVII века.

Для судьбы церковнославянского языка (в том числе и нового) важны тенденции: во-первых, устойчивость, стабильность, причём это, оказывается, является основой для неизбежной эволюции языка; во-вторых, как противоположность обнаруживается почему-то выход отдельных явлений за пределы церковнославянского языка. Это до сих пор не изучено, как следует не выяснено, поэтому требуется специальное исследование.

Примечания

Благова Э., Цейтлин Р. М., Геродес С., Пацнерова Л., Бауэрова М. Старославянский словарь (по рукописям X-XI веков) / под ред. Р. М. Цейтлин, Р. Вечерки, Э. Благовой. М. : Русский язык, 1994. [В сокращении: СССл.]

Большой академический словарь русского языка / Институт лингвистических исследований РАН. Т. 7. М. ; СПб. : Наука, 2007. [В сокращении: БАС.]

Винокур Г. О. О славянизмах в современном русском литературном языке // *Винокур Г. О.* Избранные работы по русскому языку. М. : Учпедгиз, 1959. С. 443-459.

Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. I-IV. М. : ГИС, 1956. [В сокращении: Словарь Даля.]

Дьяченко Г. М. Полный церковнославянский словарь (с внесением в него важнейших древнерусских слов и выражений). М. : Посад, 1993.

Зализняк А. А. Значение берестяных грамот для истории русского языка // Берестяные грамоты: 50 лет открытия и изучения : Материалы международной конференции, Великий Новгород, 24-27.09.2001 г. М. : Индрик, 2003. С. 218-223.

Кийнова Ж. К. Славянизмы в русском языке: историко-культурное и семантико-стилистическое своеобразие : автореф. дис. на соиск. учен. степ. д-ра филол. наук. М., 2014.

Костючук Л. Я. Памятник псковской письменности XVI века как источник сведений о Савве Крыпецком // Псковский летописец : краеведческий альманах. 2011. № 1 (5). Псков ; М., 2011. С. 32-41.

Ларин Б. А. Лекции по истории русского литературного языка (XI – сер. XVIII в.). М., 1975.

Ларин Б. А. Три иностранных источника по разговорной речи Московской Руси XVI-XVII веков. СПб. : СПбГУ, 2002.

Лудольф Г. В. Русская грамматика. Оксфорд, 1696 // Три иностранных источника по разговорной речи Московской Руси XVI-XVII веков. СПб. : СПбГУ, 2002. С. 509-682.

Марасинова Л. М. Новые псковские грамоты XIV-XV веков. М. : МГУ, 1966.

Псковские летописи // Полное собрание русских летописей. Т. V, вып. 2. М. : Языки русской культуры, 2000.

Псковский областной словарь с историческими данными. Вып. 1-25... Л. / СПб. : ЛГУ / СПбГУ, 1967-2014... [В сокращении: ПОС.]

Серебрянский Н. И. Очерки по истории монастырской жизни в Псковской земле с критико-библиографическим обзором литературы по истории псковского монашества. Псков : Изд-во Иоанно-Богословского Савво-Крыпецкого муж. монастыря, 2013.

Словарь русского языка XVIII века. Вып. 1-20... Л. / СПб., 1984-2013... [В сокращении: СлРЯ XVIII.]

Словарь церковнославянского и русского языка, составленный Вторым отделением Императорской Академии наук. [В 2 кн. : в 4 т.] / С.-Петербург. гос. ун-т., Межкаф. слов. каб. им. проф. Б. А. Ларина. – Репр. изд. [1847 г.]. СПб. : СПбГУ, 2001. [В сокращении: Словарь 1847.]

Соссюр Ф. де. Курс общей лингвистики // *Соссюр Ф. де.* Труды по языкознанию / пер. с фр. под ред. А. А. Холодовича. М. : Прогресс, 1977. С. 59-61.

Толковый словарь русского языка конца XX в. Языковые изменения / под ред. Г. Н. Скляревской. СПб. : Фолио-Пресс, 1998. [В сокращении: ТСлИзменений.]

Толстой Н. И. Предисловие к первому изданию // *Плетнёва А. А., Кравецкий А. Г.* Церковнославянский язык : акад. учеб. М. : АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2013. С. 3–6.

Улукханов И. С. Церковнославянский язык русской редакции: сфера распространения и причина эволюции [Электронный ресурс] // Исследования по славянским языкам. № 8. Сеул, 2003 // *Philology.ru* : [сайт]. URL: <http://www.philology.ru/linguistics2/ulukhanov-03.htm> (дата обращения: 10.05.2015).

Успенский Б. А. История русского литературного языка (XI-XVII вв.). 3-е изд. М., 2002.

Успенский Б. А. Краткий очерк истории русского литературного языка (XI-XIX вв.). М., 1994.